

ИСТОРИЯ, КОТОРАЯ НИКОГО НЕ УЧИТ

Утверждение, что нужно учиться только на чужих ошибках, на первый взгляд — весьма резонное, противоречит человеческой природе. «Опыт — сын ошибок трудных» — главным образом, своих собственных, с набитыми шишками и синяками. Так происходит с человеком. А что — народ? Есть мнение, что предостеречь общество от ошибок может историческая наука. По крайней мере, авторы учебников истории, как правило, верят в подобную прикладную функцию школьной дисциплины. Сегодня сюжеты из истории России двух- и трёхвековой давности кричаще актуальны. Стоит поменять фамилии — и отчёты о преданиях старины можно снова публиковать на страницах ежедневных газет.

Но если история не вооружает нас панацеей от бед, стоит ли уделять ей дефицитные школьные часы? Разумеется, стоит. История — не палочка-выручалочка, а наука, дающая редкий повод поговорить со школьниками о проблемах общественной жизни.

1

Арсений
Замостьянов

Наш великий поэт Гаврила Романович Державин, чью оду «Бог» знали все гимназисты Российской империи, а стихотворение «Властителям и судиям» — советские школьники, был первым российским министром юстиции и показал себя ревнителем правосудия и законности.

В 1802 году, когда было образовано семь первых российских министерств, молодой император Александр I назначил министром юстиции шестидесятилетнего поэта. К тому времени, разумеется, управленческий стиль Державина вполне сложился и заслуг перед российской Фемидой у поэта было уже немало. Деятельный приверженец просвещённой монархии, он верил в просвещение и, конечно, вникал в проблемы школ повсюду, где служил.

Ещё на посту губернатора Державин интересовался жизнью учителей, придирчиво инспектировал школы. Он основывал в своей губернии учебные заведения, типографии и театры, стремясь пропитать общество духом просвещения. Больших трудов стоило Державину открытие училища в Тамбове; для губернии это было важным свершением. Державин лично собирал пожертвования и сам был благотворителем училищ. Он ревностно следил за выплатой жалованья учителям, закупкой мебели для классов, аспидных досок, грифелей, карандашей... Из Петербурга поэт выписывал учебные книги. Книг не хватало — и тамбовские учителя преподавали по тетрадям, которые составил Державин. В уездных городах Державин энергично основывает малые училища: для этих предприятий средств не хватало катастрофически, счёт шёл на гроши, многое держалось на его энтузиазме. Но результат стараний вселял оптимизм. 1 января 1787 года в Козлове открыли народную школу с 24 учениками, такие школы вскоре заработали в Лебедяни, Елатье, Шацке и Моршанске.

Государственные деятели того времени нередко относились к будням службы с лёгким пренебрежением. Многих, разумеется, увлекали прогрессивные, красивые проекты, но охотников до чёрной работы среди первых российских министров не было —

кроме Державина. Пройдёт время, и некоторые бывшие «молодые друзья царя» (например, министр внутренних дел князь В.П. Кочубей) приобретут державинскую хватку, пока же неутомимый Державин являлся обузой для коллег по правительству. Так, в период своего губернаторства Державин мешал обогащению местных чиновников, давно связанных общими интересами с элитой тамбовского купечества. Всё закончилось доносом Гудовича и новым судебным процессом. В чём обвиняли Державина? Весной 1788 года в Тамбов прибыл комиссионер Гарденин, занимавшийся закупками провианта для армии. Чтобы расплатиться с помещиками-поставщиками, комиссия должна была воспользоваться предназначенными для этого деньгами из местной казны. Но вице-губернатор Ушаков, недруг Державина, отказал в выплате. Свой интерес был для него выше государственного. Шла война, армия Румянцева сражалась на берегах Днестра, в финском заливе шведский флот атаковал русские корабли — и Державин, как патриот, не мог медлить. Он быстро провёл ревизию губернской казны, выявил 177 тысяч рублей, в том числе и специально ассигнованные для провиантской комиссии 17 тысяч. Державин приказал выдать сумму Гарденину. Гудович посчитал это превышением полномочий губернатора — и началось «провиантское дело»¹. Московский Сенат оправдал отставного губернатора Державина, но репутация неживучего правдолюбца укрепилась. Державин был из породы крепких русских людей, что становятся сильнее от испытаний и мудрее от ошибок.

В мемуарных записках Державина министерский период отразился множеством жалоб на мздоимство в Комитете министров и Сенате. Коррупция — тяжёлая болезнь чиновничества во все времена, Державин не мог с нею смириться, хотя старость и сделала пылкого поэта осторожнее. Сын века Просвещения, Державин строго относился к долгу дворянина и администратора перед обществом. Гневные строки, бичующие лощёно-

го столоначальника, столпа волокиты и халатности, заставляют нас вспомнить о виртуозах бюрократического «футбола» в современной России.

А там израненный герой,
Как лунь во бранях поседевший,
Начальник прежде бывший твой,
В переднюю к тебе пришедший
Принять по службе твой приказ, —
Меж челядью твоей златою,
Поникнув лавровой главою,
Сидит и ждёт тебя уж час!

И горьки слёзы проливает,
С грудным младенцем на руках,
Покрова твоего желает.
За выгоды твои, за честь
Она лишилася супруга;
В тебе его знав прежде друга,
Пришла мольбу свою принести.

А там — на лестничный восход
Прибрёл на костылях согбенный
Бесстрашный, старый воин тот,
Тремя медальми украшенный,
Которого в бою рука
Избавила тебя от смерти, —
Он хочет руку ту простёрти
Для хлеба от тебя куска.

А там, где жирный пёс лежит,
Гордится вратник галунами,
Займодавец полк стоит,
К тебе пришедших за долгами.
Проснися, сибарит! Ты спишь
Иль только в сладкой неге дремлешь,
Несчастных голосу не внемлешь.

В отличие от своего вельможного героя Державин принимает людские заботы близко к сердцу. Заглянем в ежедневник первого российского министра юстиции — и поразимся деловитости Державина, его энергии и дисциплине:

«*Воскр.* Поутру в 10 часов во дворец к императору с мемориями и докладом сената.

«*Понед.* Поутру в 11 часов во дворец в совет.

1

Напрашивается аналогия с событием 2000 года, когда энергетики отключили от электричества воинские части под Ивановом. Интересы РАО ЕЭС, Ивановской администрации и армии вошли в противоречие.

Вторн. Поутру в 9 часов во дворец к императору с разными докладами, а после обеда в 6 часов в комитет министерства.

Среда. Поутру в 7 часов до 10 говорить с гг. обер-прокурорами и объясняться по важнейшим мемориям, а с 10 часов ездить в сенат по разным департаментам по случаю каких-либо надобностей.

Четв. Поутру в 8 часов и до 12 дома принимать, выслушивать просителей и делать им отзывы.

Г.Р. Державин
с оригинала худ.
В.П. Боровиковского

Пятн. Поутру с 7 до 10 часов другой раз в неделю заниматься с обер-прокурорами объяснением по мемориям, а с 10 часов ездить в сенат в общее собрание и в тот же день после обеда в 6 часов во дворец в комитет министерства.

Суббота. Поутру от 8 до 12 часов принимать, выслушивать и отзывы делать просителям.

Затем, после обеда в воскресенье, понедельник, среду, четверг и субботу с 6 до 10 часа вечера заниматься с гг. секретарями прочтением почты, выслушиванием и подписанием заготовленных ими бумаг для внесения в комитет и иногда в сенат, а также и прочтыванием откуда-либо полученных посторонних бумаг, кроме почты.

Наконец, каждый день поутру с 5 до 7 часов заниматься домашними и опекунскими делами и ввечеру с 10 до 11 часов беседою приятелей, и в сей последний час запирает ворота и никого уже не принимать, разве по экстренной какой нужде или по присылке от императора, для чего в какое бы то ни было время камердинер должен меня разбудить».

Ни минуты праздности, ни малейшей скидки на возраст Державин себе не позволял! Министр отлаживал работу аппарата, стремясь создать прочные связи с обществом. Он на собственном опыте знал, чем чревата бюрократическая неповоротливость.

У энергичного министра «старой закалки» было немало недоброжелателей среди «молодых друзей царя», в особенности — в «польской партии» влиятельного Адама Чарторыйского. Державин отрицательно относился к новым реформам, критиковал известный «Указ о вольных хлебопашцах»... Отставка Державина сопровождалась метким изречением императора Александра: «Ты слишком ревностно служишь». Державин отказался от сенаторской синекуры, отказался от Андреевской ленты — и бесповоротно удалился от государственных дел. Ещё в молодые годы он придумал для себя эпитафию: «Здесь лежит Державин, который поддерживал правосудие, но, подавленный неправдою, пал, защищая законы». Этим словам не было суждено опоясать державинский могильный памятник. После отставки он прожил без малого тринадцать лет, успел прославить в стихах победы 1812—1814 гг., успел и оплакать смерть Кутузова, и приветить юного Пушкина. Великий русский поэт, энергичный администратор, отчаянный правдолюб, веривший в Бога на небе и разумные законы на земле.

2

В шестом часу утра 19 июня 1890 года в квартиру ротмистра лейб-гвардии Гродненского гусарского полка Лихачёва, что в Лазенковских казармах Варшавы, явился корнет того же полка Бартенев и, сбросив с себя шинель, произнёс трагически: «Вот мои погоны». Не успел Лихачёв выразить своё удивление по поводу этого раннего визита и загадочных слов, как Бартенев сказал: «Я застрелил

Манию» и затем пояснил, что убил известную актрису Варшавского драматического театра Марию Висновскую... Так был дан ход самому романтическому уголовному делу дореволюционной России. Творцами легенды о деле Бартенева стали лучшие наши юристы и писатели. Раскрутим клубок трагедии от наших дней — к варшавским истокам.

Это было 115 лет назад, в Варшаве. Самое театральное убийство железного XIX века, легендарное *дело Бартенева*. А в 2003 году на отечественные экраны вышел кинофильм «Игра в модерн». Фильм анонсировали: «Звезда Варшавской сцены Мария Висновская на рубеже XIX—XX веков кружила головы аристократам Европы и сбивала с толку необъяснимыми выходками. В то время в моде был «модерн». «Модерн» — больше, чем стиль. Модерн стремился переделать жизнь по законам красоты. Но часто доводил до смерти».

«Ужасное дело это — дело странное, загадочное, неразрешимое. С одной стороны, оно очень просто, а с другой — очень сложно, похоже на бульварный роман, — так все и называли его в нашем городе, — и в то же время могло бы послужить к созданию глубокого художественного произведения...» Это Иван Алексеевич Бунин. Летом 1925 года он написал несколько страниц прозы, из которых позже сложится новелла «Дело корнета Елагина».

В 1892 году в свет вышла сенсационная повесть ротмистра Ю.Л. Ельца «Болезнь века». Этот офицер, однополчанин Бартенева, проходил свидетелем по делу — и вот написал роман по свежим впечатлениям от трагедии. Читатели, а особенно — читательницы жаждали подробностей о громком деле, связанном с таинствами любви.

В феврале 1891 года на Западе Российской империи, в Варшаве, четыре дня заседал окружной суд. Для Фёдора Никифоровича Плевако то были звёздные часы: он не только укрепил репутацию одного из лучших российских адвокатов,

но и стал самым популярным оратором своего времени. С тех пор о красноречии Плевако начали складывать легенды. Восторг вызывала не столько виртуозная риторика, сколько «психологическое направление» по самой последней моде. Его речь произвела небывалое впечатление, её долго ещё вспоминали и перечитывали: «Охваченный отуманившей его страстью, он млеял, уничтожался перед нею; он забыл, что мужчина, встречаясь с женщиной, должен быть верен себе, быть представителем силы, ума и спокойствия, умеряя нетерпение, сдерживая воображение, помогая слабости женщины. А он лишился критики и только рабски шёл за её действительной и кажущейся волей, губя себя и её этою порывистостью исполнения. Висновская более, чем кто-либо другой, не годна была к роли руководителя, нуждалась, наоборот, в контролирующей заботе о себе. Её сценическими эффектами воспитанная фантазия развила в ней привычку переносить в действительную жизнь театральные формы: блеск, бьющий в глаза наряд, трагические позы она не оставляла и дома. Оттуда же перенесла она в частную жизнь свою любовь к разговорам о смерти. Ведь на сцене это так хорошо выходит, так обаятельно действует на зрителя, так интересна бывает артистка, когда в роли Офелии или Дездемоны, в цветах или вся в белом появляется она перед зрителем за несколько минут до своей смерти. А затем, утонувшая или убитая, она по окончании пьесы, под шум залы, вновь выходит и принимает лавры и рукоплескания. Вот эту-то эффектную театральную смерть, не страшную, красивую, любила Висновская и пугала ею своего обожателя, драпируясь в знакомые фразы. А Бартенев именно этого-то и не понимал. Она была для него идеалом, и каждое слово её он принимал на веру, принимал серьёзно, не обсуждая и проникаясь глубоким уважением. Мало-помалу она приучает его, и он проникается её идеалами; он сам начинает думать и говорить о смерти и запасается ядами и револьвером».

О бартеневском деле писали тогда все столичные газеты. Ажиотаж вокруг варшавского убийства указывал на явную социальную тенденцию, вокруг которой и ломались копыя. Позже об этом писала Анастасия Цветаева, воспринявшая дело Бартенева «как определённый симптом идейно-психологического перелома в обществе: симптом начавшегося распада существующих традиционных форм последних и, как казалось, наиболее устойчивых социально-культурных институций — брака и семьи». В начале 1890-х годов декаденты в России ещё были редкой диковинкой, но новомодная сладкая отравка уже витала в воздухе.

О чём же говорил Плевако столь убедительно, что речь была переведена на несколько европейских языков и до сих пор её читают не только профессиональные юристы и риторы? Уральский уроженец хорошо знал родную страну и свой век. Знал его язвы, его властную моду, знал стереотипы поведения современного человека, знал тёмные мотивы неожиданных

«роковых» порывов. В поведении экзальтированной актрисы и её любовника-корнета было больше иррационального, чем здравого смысла. Трактовать их мотивы с точки зрения судебного позитивизма было безнадежным делом. И остроумный, деловитый златоуст Плевако превратился в писателя «с психологической линией». Перед нами по уши влюблённый молодой человек, для которого актриса вела кокетливую игру с суицидальным вкусом. Постоянные разговоры о смерти, которая спасает от всех бед, о спасительном уходе из нашего уютного мира... Своеобразная русская рулетка в варшавской квартире вынесла своё определение: одной было суждено погибнуть, другому — остаться на земле для жестокого испытания судом и собственной душевной болезнью.

Почему сегодня нам вспоминается то давнее громкое дело? Говорит Альберт Лиханов, председатель Российского детского фонда: «Есть статистика: 40% воспитанников детских домов в конце концов становятся наркоманами и алкоголиками, 40% — преступниками, 10% кончают жизнь самоубийством. А может ли быть иной расклад, если нет надежды, нет работы, нет даже крыши над головой?! Да, есть закон, по которому бывшим детдомовцам должны давать квартиру, но кто его исполняет и где его исполняют? Разве что в Москве. Вот Лужков даёт 400—500 квартир в год, спасибо ему. Но это — столица с её колоссальными ресурсами, другие регионы не имеют и десятой доли её возможностей. А ведь бывает, что новоявленные жильцы исчезают, перед этим продав свои квартиры. Исчезают без следа... В Москве сейчас принят закон, согласно которому до 30 лет бывший детдомовец не является собственником квартиры и не может её продать. Хоть какая-то гарантия, какая-то страховка».

Речь не идёт о полной аналогии между этими трагедиями и богемной жизнью актрисы и потерявшего голову гусара. У Висновской были свои демоны: романы с модной философией, полные мистики

и экзотической для XIX века чувственности. Сегодня дети почти с пелёнок окунаются в воды американской массовой культуры. У этой культуры — свои маяки, свои, как они сами говорят, *американские иконы*. Здесь всё отдаёт искусственностью — от цвета волос до любви избирателей, которую клан Кеннеди покупал, вкладывая в каждую кампанию на порядок больше средств, чем могли позволить себе конкуренты. Но миф об эталоне женской привлекательности и «хорошем парне» в Белом доме создан — и американцы не будут в припадке саморазоблачения комкать парадные портреты национальных кумиров. Нужно признать, что в штатах эта система работает на благо общества, поддерживая единство нации сияющим феноменом *американской мечты*.

Но для России, потребляющей уже использованную жвачку, разрушение собственной массовой культуры и переход на импортный продукт стало катастрофой. В ситуации «заёмной мечты» не избежать установки на второсортность — и она уже лезет из всех щелей постсоветской массовой культуры. Наступил век эксгибиционизма — в детских и молодёжных коллективах, как и на телевидении, в моде бесшабашная, неконтролируемая откровенность, нарочитая демонстрация собственных интимных переживаний и наклонностей. И мы убеждаемся, что не зря адвокат Плевако предупреждал о том, сколь опасно доверяться волнам, бросаясь в омут чувств... В этой системе модны психотропные средства и быстрый переход от экстаза к депрессии, чреватый кровавыми финалами. У сегодняшних малолетних преступников новые мотивы, истоки которых можно отыскать в событиях вековой давности.

...Старый, почтенный публицистический парадокс — «Мы ничего не забыли и ничему не научились» — не потерял своей силы. Он никогда не был абсолютной истиной — ведь и наше представление о прошлом в известной степени иллюзорно. Но как хочется, чтобы знание истории защищало нас от очевидных ошибок! **НО**